

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 2 (113). С. 107–129.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 2 (113), pp. 107–129.

Научная статья

УДК 39

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-2-113-10>

Изображение проводов на войну (обрядовые действия, запреты и приметы) в устных рассказах о Великой Отечественной войне

Александра Федоровна Лицарева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

alya-alya@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1940-1157>

Аннотация. В статье рассматриваются, систематизируются и анализируются обрядовые действия, запреты и приметы, связанные с проводами в армию и на фронт. Материал исследования – рассказы о Великой Отечественной войне – демонстрирует значимость данной темы в российской культуре. Группы действий, связанных с проводами в армию, проиллюстрированы примерами. Соблюдение традиции проводов способствовало тому, что воин возвращался домой живым. Методы сбора и анализа данных: анкетирование (работа с вопросниками), глубинные интервью; сопоставительное изучение текстов. Сделан обзор актуальной литературы по данной теме. Показаны перспективы развития: сравнение проводов на фронт в годы Великой Отечественной войны и во время последующих локальных войн.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, рекрут, провода в армию, фольклор, обряды, приметы, запреты, рассказы о войне

Для цитирования: *Лицарева А. Ф.* Изображение проводов на войну (обрядовые действия, запреты и приметы) в устных рассказах о Великой Отечественной войне // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 2 (113). С. 107–129. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-2-113-10>.

The image of seeing-off to the war (ritual actions, prohibitions and omens) in oral stories about the Great Patriotic War

Alexandra F. Litsareva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

alya-alya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1940-1157>

Abstract. The article examines, systematizes and analyzes ritual actions, prohibitions and omens associated with seeing-off to the army and to the front. The research material – stories about the Great Patriotic War – demonstrates the importance of this topic in Russian culture. All of groups of actions related to seeing-off to the army are illustrated with interesting examples. Observing the tradition of seeing-off a warrior contributed to his return home alive. Research methods of data collection and analysis: questionnaires (work with questionnaires), in-depth interviews; comparative

© Лицарева А. Ф., 2023

study of texts. A review of significant literature on this topic is made. The prospects for the development of the topic are shown: comparison of seeing-off to the front line during the Great Patriotic War and during subsequent local wars.

Keywords: the Great Patriotic War, recruit, seeing-off to the army, folklore, rituals, omens, prohibitions, stories about the war

For citation: Litsareva A. F. The image of seeing-off to the war (ritual actions, prohibitions and omens) in oral stories about the Great Patriotic War. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 2 (113), pp. 107–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-2-113-10>.

Введение

Великая Отечественная война коснулась всех жителей нашей страны. Память о ней на протяжении десятилетий оказывается одним из консолидирующих факторов в российском обществе. Великая Отечественная война, являясь важной точкой координат, «задает как временные, так и духовно-нравственные ориентиры»¹.

Актуальность изучения данной темы связана с сохранением локальной и семейной традиции, в которой соблюдение ряда примет (прежде всего запретов) имеет цель сделать службу в армии максимально безопасной для новобранца, особенно если речь идет об отправке в места боевых действий. Как правило, уходящие в армию молодые люди и члены их семей больше верят в Божий промысел или судьбу, чем те, кого служба в «горячих точках» не касается непосредственно. Поэтому «в современной гуманитарной науке военно-антропологические исследования и исследования психологии человека, оказавшегося в экстремальных условиях, находятся на пике популярности»². Представление о том, что некие действия могут обезопасить, складывается и у людей, соблюдающих традиции «на всякий случай» или из желания не обидеть стариков, которые говорят о важности примет и запретов. С. В. Голикова по этому поводу пишет: «Чем "легче" становилась военная служба, тем сложнее оказывалось обрядовое оформление проводов на нее»³.

В связи с началом спецоперации на Украине в феврале 2022 г. и частичной мобилизацией осенью 2022 г. тема проводов в армию коснулась большого количества семей. Приведенный в данной статье материал будет актуален для междисциплинарных исследований фольклористов, этнографов, культурологов, историков, антропологов, в частности, может стать основой для разработки занятий, в том числе элективных курсов о народной культуре.

В армию и на фронт провожали не только своего родственника, но и земляков. Речь идет о том, что при значимых для народа событиях массово провожают (уходящих на фронт) или встречают (поезд с победителями, первого космонавта) даже

¹ Степанова В. А. Мотив ухода на войну и возвращения война в прозе В. Распутина // Сибирский филологический форум. 2018. № 3 (3). С. 87.

² Постникова Е. Г., Любецкий А. Е. Страхи подводников Великой Отечественной войны (по материалам дневника матроса Северного флота Г. И. Сенникова) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4 (202). С. 192.

³ Голикова С. В. Источники по рекрутской обрядности Урала и история ее изучения // Документ. Архив. История. Современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 21–22 октября 2010 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. С. 59.

незнакомых людей. Победа в Великой Отечественной войне и полет Ю. А. Гагарина в космос относятся именно к таким событиям.

О преемственности традиций можно говорить и в наши дни, особенно в связи с тем, что мобилизованные и добровольцы в зоне спецоперации воспринимают себя потомками участников Великой Отечественной и Второй мировой войны, продолжателями их дела борьбы с фашизмом и нацизмом. На подробное изучение их нарративов (с интервьюированием) понадобятся десятилетия. В приведенном далее тексте речь идет о восприятии местными жителями мобилизованных призывников как родных и как национальных героев. *«Это вчера провожали ребят из Зимовниковского района Ростовской области. Провожавшие стояли вдоль дороги на протяжении нескольких километров. Вот благодаря такому народу Россия всегда побеждает!!!»¹.*

Начало и конец войны являются значимыми событиями для переживших это время людей, поэтому многие информанты охотно рассказывают о том, как провожали на фронт. Если повествователи были в те годы детьми, акцент делается на эмоциональном восприятии и деталях: слезы, слова, странное поведение близких, проводы до железнодорожной станции...

Часто на войну уезжали на следующий день после свадьбы.

«- А как забирали?»

- Приходит известие на тогда, на тогды. И тогда у нас уже вечер, и чего только нейма, як все равно свадьба. Деньги – на дорогу все кажут, на дорогу. Этот вечер гуляют, а назавтра приходит машина, и молодежь едет на машине, провожает в район. Солдат иде сзади, прощается со всеми, у нас деревня большая была – 166 дворов. И вот так и поют всю деревню. У нас в соседнем дворе Костю-парня забирали – я у них картошку копала – эту песню спела, какую у нас в Белоруссии поют, так даже мама его прослезилась: какая жалостливая. Такие песни. Есть и хорошие такие, но вот жалостливые. У нас отца забили в 43 году, нас трое осталось. Сестра старшая замуж вышла, а потом и мы в один Мясоед»².

Начиная рассказывать о проводах на войну, информанты вспоминали, как «гуляли рекрута» в мирное время, пели частушки и обещали исполнить «старинную народную песню». Проходящие фольклорную практику студенты записывали на диктофон авторский текст Д. Бедного («Как родная меня мать провожала...») в различных вариациях, а также частушки про рекрутов. В числе песен обязательно была «Последний нонешний денечек». «Во время Великой Отечественной войны популярность песни возродилась, она вновь исполнялась на вечерах и проводах, но была

¹ Ирина. WhatsApp (комментарий к видео), чат православных учителей, 30.09. 22 (Личный архив Александры Федоровны Лицаревой (Балашовой), далее – ЛАЛ).

² Предко Софья Ивановна, 1930 г. р., родом из д. Купляны Брестской обл. Д. Спицино Гдовского р-на Псковской обл. Запись 2006 г. (Архив фольклорных экспедиций кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, далее – АКФ).

изменена в соответствии с новыми реалиями»¹. Студенты регулярно записывают мемораты о проводах в армию во время полевой практики.

На вопрос о том, давали ли с собой уходящему воевать какие-либо значимые предметы, одни информанты отвечали отрицательно (ссылаясь на господствующий атеизм), другие называли культовые предметы (у малых народов – амулеты, у большинства русских – связанные с христианством вещи), третьи затруднялись ответить.

Нередко рассказчик не видел сам или не помнит описываемых событий, например, в силу своего возраста (*дети войны*), и поэтому пересказывает услышанное от родственников, знакомых, соседей. Зачастую он сопоставляет провода на фронт с тем, как ранее провожали его отца или брата, а позже – в армию или в «горячие точки» сына или внука. Гибель человека на войне в отдельных случаях объясняют несоблюдением им или его родственниками запретов.

Цель работы – систематизировать наиболее известные обрядовые действия, запреты и приметы, связанные с проводами на войну, на материале рассказов о Великой Отечественной войне.

Задачи: выявить в нарративах о Великой Отечественной войне приметы, запреты, обряды, связанные с проводами на службу; сгруппировать полученный материал, взяв за основу ведущие мотивы, образы и темы.

Методы

Использованные методы сбора и анализа данных: анкетирование (работа с вопросниками), глубинные интервью, сопоставительное изучение текстов, выделение основных тем, мотивов, образов, наиболее частотных для рассказов о проводах на войну.

Вопросники при работе с большим количеством текстов можно составлять самостоятельно и корректировать в зависимости от местности, в которой проходит экспедиция. Следует отметить вопросник «Проводы в армию (на войну)»². Е. С. Сенявской составлены вопросники по родам войск, которые включены в ее монографии³. Часто именно их берут за основу при составлении вопросников. Мы использовали все перечисленные выше материалы, а также составили свои вопросники с рассказами информантов о событиях Великой Отечественной войны, начиная с её первых дней.

Источники

Материалом исследования стали устные рассказы о Великой Отечественной войне, к которым в последние десятилетия обращаются специалисты из разных

¹ Нерастенко Н. А. Фольклорные сюжеты Карелии во время Великой Отечественной войны // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 1 (13). С. 113–116.

² Логинов К. К. Сборник полевых этнографических опросников / под редакцией А. Г. Новожилова. Санкт-Петербург: Санкт – Петербургский государственный университет, 2007. С. 45–47.

³ Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. Москва: Институт российской истории РАН, 1997. 226 с.; Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. Москва: РОССПЭН, 1999. 383 с.

наук¹. При написании данной работы были использованы тексты из личного архива автора (ЛАЛ), а также записанные специалистами и опубликованные в научных статьях примеры; фрагменты из художественной литературы. Проанализирован материал из фольклорных (АКФ) и диалектологических (АКД) экспедиций филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (несколько сотен полноценных интервью). Указание на архив присутствует в сведениях об информанте из списка источников.

Редко встречаются приметы в дневниках и письмах в связи с цензурой или иными обстоятельствами (например, когда было необходимо зафиксировать только основное): «События Великой Отечественной войны документированы, изложены и сохранены в многочисленных материалах и артефактах; процесс сбора и атрибуции их далеко не закончен»².

История вопроса

Рекрутский обряд не терял своей важности и по мере сокращения срока службы от пожизненного до 25 лет, а затем до нескольких лет и года (при прохождении службы в армии у призывников в XXI столетии). Е. З. Соловьева отмечает, что «в мировоззренческой парадигме наших предков рекрутские обряды считались переходными этапами в жизни человека»³. Это во многом связано с инициацией, сменой социального статуса, восприятием обществом отслужившего в армии молодого человека как взрослого, готового в случае необходимости защищать свою землю от врага. Вместе с тем, за «отделением» (проводы рекрута) должно следовать «включение» (вхождение в состав армии как особого сообщества)⁴.

Данная тема освещается, прежде всего, в обзорных статьях, связанных с записями в конкретной местности. Интересуют они в основном фольклористов, историков,

¹ Бондарь Н. И. «Недосмотренный сон, недожитая жизнь» (К этнографии войны) // Российское общество и войны XX века: материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 147–154; Бондарь Н. И. Древо жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар: Традиция, 2019. 528 с.; Кринко Е. Ф. Вера и суеверия на фронте и в тылу в условиях военного времени (1941–1945) // Былые годы. 2013. № 3 (29). С. 55–61; Кринко Е. Ф., Тажиудинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.; Добровольская В. Е. «Почему он с войны возвратился...»: запреты и предписания, обеспечивающие человеку возвращение с войны // Временник Зубовского института. 2011. № 6. С. 106–118; Лицарева А. Ф. Устные рассказы как ресурс памяти о войне // Молодежь и современный взгляд на события Второй мировой войны: материалы Международной студенческой научной конференции. Екатеринбург, 27 ноября 2020 г.) / под общей редакцией В. В. Запария. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. С. 81–86; и др.

² Савельева И. М. Личная история vs Великий нарратив в дневниках военного времени // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / под редакцией М. А. Литовской и Н. В. Суржиковой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 29.

³ Соловьева Е. З. Фольклор и ритуальные практики проводов на военную службу в Орловском крае // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 1. С. 60.

⁴ Володина Т. А., Подрезов К. А. Русская армия в зеркале солдатского фольклора (XVIII – первая половина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2021. № 2. С. 152.

антропологов. О рекрутской обрядности речь идет, в частности, в работах С. В. Голиковой, В. Е. Добровольской, Т. Л. Молотовой, И. Г. Петрова, Е. З. Соловьевой.¹

В фольклорном аспекте провода в армию рассматриваются в монографии Ж. В. Корминой «Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа»². Эта книга, ставшая продолжением кандидатской диссертации «Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX–XX вв.)»³, «посвящена анализу ритуальных практик, фольклора, поведенческих и ментальных стереотипов, связанных с отправкой молодых людей на военную службу»⁴. Автор пишет о том, что «в отличие от других обрядов жизненного цикла, ритуал проводов в армию не является "естественным" следствием существования человека как биологического существа – рождающегося, стареющего и умирающего»⁵.

Представленный в данной статье материал специалисты не рассматривали как представляющий особую ценность, он привлекался в рамках изучения проводов в армию в конкретную эпоху (определенное столетие) или как часть традиционного рекрутского обряда. Ранее отдельно не были выделены и разделены на группы именно провода в армию в годы Великой Отечественной войны, а также непосредственно перед ее началом (когда, согласно многочисленным записям, людям были явлены знаки, знамения, приметы грядущего бедствия).

¹ Голикова С. В. Источники по рекрутской обрядности Урала и история ее изучения // Документ. Архив. История. Современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 21–22 октября 2010 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 56–60; Добровольская В. Е. «Почему он с войны возвратился...»: запреты и предписания, обеспечивающие человеку возвращение с войны // Временник Зубовского института. 2011. № 6. С. 106–118; Молотова Т. Л. Традиционные обряды проводов в армию у марийцев // Регионы России в военной истории страны: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Йошкар-Ола, 18–19 ноября 2020 года). Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, 2020. С. 307–314; Петров И. Г. Проводы в рекруты у чувашей (конец XIX – начало XX в.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 51–87; Соловьева Е. З. Фольклор и ритуальные практики проводов на военную службу в Орловском крае // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 1. С. 59–67.

² Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. Москва: Новое литературное обозрение, 2005 (ОАО Чебоксарская тип. j 1). 374 с.

³ Кормина Ж. В. Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX–XX вв.); автореф. дис. ... канд. культурологии. Москва: [б. и.], 2000. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/cormina3.htm> (дата обращения: 15.01.2013).

⁴ Лурье М. Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. 376 с. (библиотека журнала «Неприкосновенный запас») Как родная меня мать провожала // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 362.

⁵ Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. Москва: Новое литературное обозрение, 2005 (ОАО Чебоксарская тип. j 1). С. 13.

Основная часть

Классификация проводов на войну

В наши дни о проводах в армию имеют представление практически во всех семьях, как правило – на уровне соблюдения традиции отцов и дедов или (в наши дни) почерпнутые от знакомых или из Интернета. Отдельные действия известны и в обычной жизни, например, необходимость перед выходом из дома присесть на дорожку¹. Различается продолжительность соблюдения запрета, в частности – количество дней, когда нельзя мыть пол. Иногда запрет распространяется и на мытье других вещей, чаще всего – посуды. Согласно одной из примет, 3 дня не следует мыть пол после отъезда родственника в армию², чтобы не вымыть из дома его следы. Женщина, которую свекровь в день проводов мужа заставила мыть пол, получила похоронку³. Она уже позже от соседки узнала, что делать этого было нельзя. Сейчас некоторые люди также соблюдают усвоенные от старших родственников правила: не моют пол, пока уехавший человек не придет к месту назначения (дом, работа, магазин и проч.), садятся на дорожку перед тем, как выйти из дома (отпуск, визит в гости, отъезд в другой город, на дачу и т. п.).

Многие информанты, бывшие детьми, не помнят обрядовых действий в силу возраста или не знают о них (ряд действий выполнялся тайно).

«- Когда Вашего отца на войну забрали?»

- В 41 году, как только первый день, сразу и забрали. Вон, сел на лошадь, проехал по району, он вистовым был... Ну, он был обыкновенный, как говорится, кучер, а был в военкомате на учете как вистовой, как говорится, в войну там или что. Он проехал до Евсеевки, Тереховки, Кудрючка, туда-сюда, по всему и сюда в Раздоры приехал, а тут нас собрали всех с района на следующий день приехали на подводах, тогда же машин не было, на козе и едут в военкомат сюда в Раздоры. И вот там сбор был, вот тут, на низу, над Доном, пароход пришел – 300 человек забрал сразу с района и повез в сторону Константиновки, и отец мой очутился в Харькове»⁴.

Возможно, сказывается и отрыв от традиционной культуры из-за официально признанного атеизма (пожилые информанты, являясь самыми старшими в сообществе, часто отсылают к «ранешным старикам», делая акцент на том, что им в работе некогда было праздновать традиционные праздники, слушать рассказы старших).

Иногда о проводах в армию «в ранешные времена» и в военное время рассказывают в назидание потомкам, противопоставляя поколение, следовавшее традиции, поколению, не знающему ее.

«- А в армию тоже хорошо провожали. Сейчас соберутся, напьются и все. А в армию тоже – вечер собирают, а потом гуляют на второй день. Скажем нонче,

¹ Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В. В каждой деревне чё-то да разنو. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век). Пермь, 2007. С. 97.

² Там же.

³ Синицкая Римма Николаевна, 1945 г. р. Воспитатель в детском саду. Записи июля 2015 и 2016 гг. в д. Синики Устьянского р-на Архангельской обл. (ЛАЛ).

⁴ Куприянов Александр Васильевич, 1930 г. р. Ст-ца Раздорская Ростовской обл. Запись 2010 г. (АКФ).

завтра итить, на тот день итить, а нонче вечер, а завтра гулянка. Ну, это... и с армии приходит, приходили, собирали вечер и встречали.

- Что делали на вечере?

- Да чего же. Ну, плясали, и чего... Я вот у... я у брата была на вечере, ну, и, значит, страшно много было этих на вечере – молодежи. Две комнаты у них, и прямо здоровая комната битком»¹.

Итак, можно условно выделить различные **группы действий, связанных с проводами в армию**. Логично рассмотреть **общеизвестные, локальные** (известные всем жителям определенной местности), **уникальные** (редко встречающиеся, зачастую связанные с семейной традицией или появившиеся спонтанно, согласно наблюдению или совету) действия.

Исходя из семантики группы предметов или действий, а также ведущего мотива можно выделить: письменные и вербальные обереги, предметы культа и проч. Это деление возможно сделать максимально обобщенным или, наоборот, более дробным. Т. Б. Щепанская в своей работе отмечает: «Некоторые из подарков совмещали практическую и магическую ценность, например, подаренный матерью или девушкой вышитый платок, кисет или испеченный в дорогу пирог. Другие вещи с самого начала готовились как магические средства – обереги (родная земля, печная зола и проч.) – или служили благословением (икона, крестик, хлеб). Все они в той или иной мере выполняли функцию знака незримой связи уходящего с оставленным домом»².

В данной статье мы взяли за основу **принцип классификации, связанный с ведущим действием или мотивом, основной темой** (используемый фольклористами в работе над различными указателями), поскольку благодаря ему многие тексты можно систематизировать более детально, что станет хорошей основой для указателя. Ниже, как примеры, мы приводим опубликованные тексты, а в качестве иллюстраций цитируем записи из архива.

1. Религиозные действия, а также используемые в обряде проводов предметы, связанные с религией

Многие из религиозных предметов невозможно было взять с собой, например, ввиду их размера (большая икона) или по причине того, что другим людям мог понадобиться данный предмет.

Истоки ряда действий связаны с традицией. Так, призывника благословляли молитвой перед мужской иконой³: «Благословение понимается как обязательный элемент в структуре рекрутского обряда»⁴. Кроме того, «благословение является кульминационной точкой проводов: этот акт понимается как самый напряженный мо-

¹ Холина Мария Андреевна, 1932 г. р., х. Привалский, 2 класса образ. Ст-ца Глазуновская Волгоградской обл. Запись 2004 г. (АКФ).

² Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. Москва: Индрик, 2003. С. 110.

³ Белавин А. М., Подюков И. А., Черных А. В., Шумов К. Э. Война и песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья. Пермь, ПГПУ, 2005. С. 11.

⁴ Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России: опыт этногр. Анализа. Москва: Новое литературное обозрение, 2005 (ОАО Чебоксарская тип. j 1). С. 151.

мент всего действия — момент коммуникации с сакральным»¹. К этой же группе относятся действия, связанные с апокрифическими текстами, но воспринимаемые как христианские. Как правило, в народе молитвы и заговоры не различали. Мать читала заговор от пули уходящему на фронт сыну². При этом она могла считать себя православною и молиться Богу. «А вот выбирали на войну когда, дак читали молитву» (далее идет текст заговора)³. Как канонические воспринимали и различные апокрифы, а также тексты неизвестного происхождения.

2. Связанные с религией предметы, которые солдаты брали с собой

В рамках этой группы выделяются действия и предметы, связанные с самой распространенной среди русских людей конфессией – христианством. Т. Б. Щепанская подчеркивает: «Особый класс – обереги, имеющие христианское происхождение»⁴. Чаще всего с собой давали крестики, тексты молитв, иконки, ладанки. В народе считалось, что оберегает как их постоянное ношение, так и участие Бога, Богородицы, святых, ангелов через посредничество данных предметов.

Снятие крестика всегда было связано с отречением от Бога. В 1996 году русский солдат Евгений Родионов принял мученическую кончину от рук чеченских бандитов. Символично, что день казни совпал не только с 19-летием солдата, но и с праздником Вознесения Господня.

Во времена атеизма, чтобы солдат не отказался от сакрального предмета или у него не возникло проблем с проверяющими вещи сотрудниками, этот предмет вшивали в одежду, но не говорили об этом: «Тайком от уходящего на службу могли зашивать в его одежду предметы, призванные выполнять апотропейную функцию. <...> Таким образом, знание благословляемого о том, что обряд совершен, равно как и необходимость хранить переданный при благословении предмет, расцениваются как необязательные»⁵. Слова молитвы зашивали в одежду⁶, в том числе вшивали в ремни, воротники⁷, в ворот гимнастерки или подкладку шинели⁸. Помимо молитвы в

¹ Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. Москва: Новое литературное обозрение, 2005 (ОАО Чебоксарская тип. j 1). С. 153.

² Синицкая Римма Николаевна, 1945 г. р. Воспитатель в детском саду. Записи июля 2015 и 2016 гг. в д. Синики Устьянского р-на Архангельской обл. (ЛАЛ).

³ Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научные редакторы В. М. Гацак, С. А. Мызников. Иркутск, 2012. Т. 9. С. 93.

⁴ Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. Москва: Индрик, 2003. С. 117.

⁵ Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. Москва: Новое литературное обозрение, 2005 (ОАО Чебоксарская тип. j 1). С. 171.

⁶ Из рассказов протоиерея В. Швеца. Чудеса в годы войны. Часть 1 // Православие и мир. URL: http://www.pravmir.ru/article_4138.html (дата обращения: 15.01.2013); Драбкин А. Я дрался на Пе-2. Москва: Яуза; Эксмо, 2009. С. 13–14.

⁷ Азаров Владимир Алексеевич, 1953 г. р., род. в г. Ленинграде. Профессор Московского государственного университета технологии управления им. К. Г. Разумовского (1 Казачьего университета). Историческое образование. Участник войны в Афганистане, боевых действий в Приднестровье, на Балканах, в Западной Африке (Либерия, Сьерра-Леоне, Гвинея). Член Союза писателей России. Москва. Запись 2021 г. (ЛАЛ).

⁸ Кринко Е. Ф. Вера и суеверия на фронте и в тылу в условиях военного времени (1941–1945) // Былые годы. 2013. № 3 (29). С. 59.

воротник вшивали крестики¹. Написанную на ленте молитву пришивали к одежде². Просили носить с собой надпись, которую оставил сам Бог: «Т. П. Д. Н. т.ф. Т. Г. л. к. м. н. В. К. и. ы. В. ф. к. В. Н. М. В. В. С. К. П. Е. Г. л. Н. В. и. Е. Б.З. П. П. З. Е. Е. Е. Е. А. Д. т»³. Повсеместно старшие родственники уговаривали защитников Отечества взять с собой специальные молитвы и заговоры⁴.

В частности, это было связано с родительским благословением, прежде всего – материнской молитвой. Матери могли обещать за возвращение сыновей с фронта не только свою жизнь, но и счастье дочерей. Так, женщина вымолила возвращение трёх сыновей и угнанной в Германию дочери за счет своей жизни (умерла вскоре после окончания войны) и судьбы старшей дочери (та не вышла замуж)⁵.

Также в одежду зашивали молитву «Живые помощи» (90 псалом «Живый в помощи Вышняго»)⁶, в том числе зашивали в маленькие карманчики кисетов⁷. Многие женщины переписывали её от руки уходившим на фронт детям и мужьям⁸.

Предметы культа (иконы, молитвы, кресты)⁹ были важны как для того, кто их хранил, так и для дарителя. Давая ладанку со святыею сыну, мать верила, что благодаря этому сын трижды избежал гибели и вернулся живым¹⁰. Танкист, носивший с собой данную тётей бумажку с молитвой, не был убит, как и его братья¹¹. Близкие

¹ Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В. В каждой деревне чё-то да разное. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век). Пермь, 2007. С. 96.

² Там же.

³ Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Усолье: Пермское книжное издательство, 2006. С. 172.

⁴ Бондарь Н. И. «Недосмотренный сон, недожитая жизнь» (К этнографии войны) // Российское общество и войны XX века: материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 152; Бондарь Н. И. Древо жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар: Традиция, 2019. С. 275.

⁵ Шитикова Наталья Семеновна, 1956 г. р. Брянская обл., г. Жуковка. Окончила Брянский политехнический техникум. Работала на Жуковском велосипедном заводе. Поэтесса. Запись 2021 г. (ЛАЛ).

⁶ Яблокова Людмила Александровна, 1960 г. р. – заместитель директора по воспитательной работе колледжа «Царицыно», Москва. Запись 2018 г. (ЛАЛ).

⁷ Власкина Т. Ю. Война в устных нарративах из архива кафедры общего и сравнительного языкознания ЮФУ // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международной научной конференции. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / ответственный редактор Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. С. 199.

⁸ Кринко Е. Ф. Вера и суеверия на фронте и в тылу в условиях военного времени (1941–1945) // Былые годы. 2013. № 3 (29). С. 59.

⁹ Кринко Е. Ф. Вера и суеверия на фронте и в тылу в условиях военного времени (1941–1945) // Былые годы. 2013. № 3 (29). С. 59; Кринко Е. Ф., Тажиудинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. С. 300.

¹⁰ Чудеса на дорогах войны. Сборник рассказов. Москва: ПолиграфАтельеПлюс, 2004. С. 194–197.

¹¹ Чудеса в годы войны: православный календарь 2010. Москва: Артос-Медиа, 2009. С. 56–67.

люди просили воинов носить с собой крестики, ладанки¹, персональные иконки святых-покровителей², нательные кресты, в том числе родительские³. Передача сакральных предметов происходила или тайно, или, наоборот, с совершением определенного действия. Так, крест, на который наговаривали воскресную молитву, вкладывали в ладонь защитнику Родины⁴.

Тексты молитв хранили у себя не только солдаты. Старик, вошедший в вагон с угнанными в Германию детьми, дал каждому по бумажке с молитвой «Отче наш»⁵.

В свою очередь встречаются особенности, связанные с местной традицией. Например, уходящему в армию иконку зашивали к сердцу в красную тряпочку⁶. В обряде могут сочетаться несколько общеизвестных действий, но их комбинация оказывается или уникальной, или связанной с локальной традицией. В частности, призывника трижды возвращали домой, потом мать по нему крест-накрест стучала иконкой⁷. Здесь сочетается окликание и возврат с ритуальным действием, в котором фигурирует икона.

Традиционно уходящий воевать посещал храм, то же самое делали его родители. В годы Великой Отечественной войны это было не всегда возможно в силу ряда общеизвестных причин – от закрытия церквей до уничтожения их врагами. В то же время известны случаи, когда солдаты посещали храм и даже освящали у священников технику. Например, летчик, самолет которого был окроплен святой водой, верил в слова священника о том, что выживет⁸. Известны случаи, когда молящиеся в храме солдаты выживали, в то время как отказавшиеся от этого вскоре гибли⁹.

3. Предметы, имеющие сакральный статус в обществе

Солдат или его близкие часто наделяли определенные предметы сакральным статусом (трофейная вещь, фотография любимой; переписанный текст стихотворения «Жди меня» К. М. Симонова или иной предмет, ставший талисманом).

¹ Финал: Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистской Японии в 1945 г. / под общей редакцией Маршала Советского Союза М. В. Захарова. Москва: Наука, 1969. С. 141–142; Боле Е. Н. Историческое значение поискового движения России // Военная археология. 2009. № 1. С. 13.

² Бондарь Н. И. «Недосмотренный сон, недожитая жизнь» (К этнографии войны) // Российское общество и войны XX века: материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 152.

³ Там же.

⁴ Белавин А. М., Подюков И. А., Черных А. В., Шумов К. Э. Война и песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья. Пермь, ПГПУ, 2005. С. 13.

⁵ Алексиевич С. А. У войны не женское лицо. Последние свидетели. Москва: Остожье, 1998. С. 408.

⁶ Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Усолье: Пермское книжное издательство, 2006. С. 134.

⁷ Белавин А. М., Подюков И. А., Черных А. В., Шумов К. Э. Война и песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья. Пермь, ПГПУ, 2005. С. 11.

⁸ Шаповал Н. И. В небе над Ржевом. Ржев: филиал БАО «ТОТ Ржевская типография», 2011. С. 224.

⁹ Чудеса на дорогах войны. Сборник рассказов. Москва: ПолиграфАтельеПлюс, 2004. С. 184.

Некоторые предметы малоизвестны. Тем не менее, география их использования довольно широкая, поэтому их сложно отнести к конкретной группе. Известно благословление хлебом уходящего воевать¹. Более того, кусочек хлеба могли зашить в гимнастерку, чтобы солдат вернулся и принес его назад². Таким образом хлеб аккумулирует не только функции сакральной пищи, задействованной во многих обрядах, но и предмета, который жизненно необходим путнику. Как отмечается в Словаре славянских древностей: «В качестве оберега... хлеб использовался в самых разнообразных ситуациях»³. Видна связь с традицией взять в долг, чтобы выжить и вернуть его.

Помимо этого, «родная земля также фигурирует среди вещей, которые берут в дорогу как память о доме – как знак остающейся связи с родиной и в залог возвращения»⁴. Известная традиция: «в качестве охранного талисмана рекруты брали с собой на службу землю с могилы отца. В случае болезни эту землю надлежало разбавить водой и выпить»⁵. Щепотку родной земли бросал себе за ворот отправлявшийся на службу, чтобы живым и невредимым вернуться домой, на эту землю⁶. По утверждению И. Г. Петрова, «таким же универсальным оберегом считалась земля, взятая из дома, ...домашняя земля... или земля, взятая с могилы одного из близких родственников»⁷.

Также было принято давать с собой предмет, направленный на поддержание боевого духа. Например, подобную функцию выполняло полотенце, на котором писали что-нибудь домашнее⁸. Полотенце, как и пояс, использовалось во многих обрядах. Так, известен случай, когда за ночь старухи сшили пояс, которым поочередно опоясывали уходящих на фронт и крестили, затем пояс повесили в церкви. Те, кто над этим посмеялись, назад не вернулись⁹.

¹ Белафин А. М., Подюков И. А., Черных А. В., Шумов К. Э. Война и песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья. Пермь, ПГПУ, 2005. С. 11.

² Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Усьолье: Пермское книжное издательство, 2006. С. 135.

³ Славянские древности: Этнолингвистический словарь; в 5 т. Т. 5: С–Я / под общей редакцией Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 2012. С. 418.

⁴ Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. Москва: Индрик, 2003. С. 115.

⁵ Петров И. Г. Проводы в рекруты у чувашей (конец XIX – начало XX в.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 75.

⁶ Бондарь Н. И. «Недосмотренный сон, недожитая жизнь» (К этнографии войны) // Российское общество и войны XX века: материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 152.

⁷ Петров И. Г. Проводы в рекруты у чувашей (конец XIX – начало XX в.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 75.

⁸ Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Усьолье: Пермское книжное издательство, 2006. С. 135.

⁹ Добровольская В. Е. «Почему он с войны возвратился...»: запреты и предписания, обеспечивающие человеку возвращение с войны // Временник Зубовского института. 2011. № 6. С. 106.

Иногда брали с собой предметы из разных групп. Уходящему на войну зашивали в мешочек икону Спасителя, молитву и землю¹. Таким образом, земля приравнивалась к христианским святыням. Были различия, связанные с вышивкой и предметом, на котором ее делали. В частности, вышивали Богородицу на ленте и клали в крестик с крышкой, давая с собой².

4. Действия, связанные с попыткой привлечь удачу, обмануть судьбу, смерть, оставить о себе память, узнать будущее человека

В деревнях рекруты обычно гуляли с гармошкой. *«А моряки, когда уже фронт шел, они туда, в Плеву, в Изменку, уходили. Вот один морячок играл на окошке в клубе на гармошке эту песню. И они ушли. И мы помогли петь, конечно.*

-А как вообще провозжали?

-А потом пришли, не все выжидали. Вот там, у нас на кладбище, их много лежит»³.

Безудержное веселье воспринималось и как традиция, и как желание порадоваться «напоследок» перед казарменными порядками. Песни настраивали на веру в лучшее уходящего на службу, были призваны сохранить память о близких людях, вселить мужество и уверенность в благополучном возвращении домой. *«Ну, пели больше песни такие – в армию, провода в армию»⁴.*

В памяти многих детей о проводах на фронт сохранился лишь плач родных. *«А провозжали-то на войну — ой-ой! Тогда мне сколько было, шесть лет. И вот в центре, вот это где два магазина-то стоит, клуб-то где, вот тут собирались все. Рёв! А чё же, пацаны держатся. Держатся, но всё равно плачут, режут, куда. И потом на лошадях повезли. Сколько в селе там человек за раз-то брали? Их каждый день, наверно, три-четыре подводы, наверно, ходило. До станции Селенги, их садили-то»⁵.*

Важным для проводов был момент, связанный с плачем или его отсутствием. Так, жена, причитая с использованием специальных слов, пыталась «обмануть смерть»⁶. В то же время она могла оплакать мужа раньше времени⁷. Мать не должна плакать, чтобы сын вернулся живым⁸. Расхождение в трактовке действия касалось,

¹ Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В. В каждой деревне чё-то да разное. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век). Пермь, 2007. С. 96.

² Добровольская В. Е. «Почему он с войны вернулся...»: запреты и предписания, обеспечивающие человеку возвращение с войны // Временник Зубовского института. 2011. № 6. С. 106.

³ Репина Мария Васильевна, 1916 г. р.; Д. Ветвеник Гдовского р-на Псковской обл. Запись 2006 г. (АКФ).

⁴ Кузнечикова Анна Афанасьевна, 1915 г. р, х. Сарычи, образования нет. Ст-ца Глазуновская Волгоградской обл. Запись 2004 г. (АКФ).

⁵ Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научные редакторы В. М. Гацак, С. А. Мызников. Иркутск, 2012. Т. 10. С. 142.

⁶ Добровольская В. Е. «Почему он с войны вернулся...»: запреты и предписания, обеспечивающие человеку возвращение с войны // Временник Зубовского института. 2011. № 6. С. 111.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 113.

например, оставленной дома одежды. По одной версии, одежду солдата нельзя было никому давать, чтобы воин вернулся живым. Согласно другой трактовке, наоборот, все вещи раздают нуждающимся, чтобы солдат выжил на войне.

Равным образом, «обязательным элементом рекрутской обрядности были гадания»¹. В советские годы они могли быть редуцированы до наблюдения за действием / поведением призывника. Например, если человек, уходящий на войну, оборачивался, ему не суждено было вернуться².

Множество действий связано с предметами. В день отъезда в армию не убрали со стола³, ничего не выносили из избы⁴, чтобы не уничтожить следы пребывания хозяина. Также, чтобы солдат вернулся домой, ему велели оставить дома какую-нибудь вещь⁵. Например, уходящий воевать снимал шапку и клал ее в передний угол, а после возвращения должен был забрать⁶.

Встречаются действия, в которых фигурируют животные. Уходящий в армию обходил дворовых животных, угощая их куском хлеба, был ласков с собакой, охраняющей дом в его отсутствие. Особое отношение проявляли к коню, как боевому товарищу. Возможно, с этим связано следующее действие: если воин не поклонится коню – погибнет⁷. И. Г. Петров пишет: «Очень распространенным было гадание, в основе которого лежало наблюдение за поведением лошади, на которой рекрута провозжали на призывной пункт»⁸.

Некоторые действия связаны с народной этимологией и диалектизмами. Так, ромашку (местное название маточка) рвали в росе и клали в ладанку, чтобы к своей матери вернулся – маточке⁹.

Было принято оставлять о себе материальную память. Уходящие на фронт заламывали березки, чтобы вернуться с войны живыми¹⁰.

¹ Петров И. Г. Проводы в рекруты у чувашей (конец XIX – начало XX в.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 57.

² Карманова Вера Николаевна, 1961 г. р., продавец в магазине, д. Родома Лешуконского р-на Архангельской обл. Запись 2013 г. Балашовой А. Ф. (Архив кабинета диалектологии кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, далее – АКД).

³ Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В. В каждой деревне чё-то да разное. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век). Пермь, 2007. С. 97.

⁴ Там же.

⁵ Белавин А. М., Подюков И. А., Черных А. В., Шумов К. Э. Война и песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья. Пермь, ПГПУ, 2005. С. 13.

⁶ Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В. В каждой деревне чё-то да разное. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век). Пермь, 2007. С. 97.

⁷ Белавин А. М., Подюков И. А., Черных А. В., Шумов К. Э. Война и песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья. Пермь, ПГПУ, 2005. С. 11.

⁸ Петров И. Г. Проводы в рекруты у чувашей (конец XIX – начало XX в.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 57.

⁹ Добровольская В. Е. «Почему он с войны возвратился...»: запреты и предписания, обеспечивающие человеку возвращение с войны // Временник Zubovskogo института. 2011. № 6. С. 106.

¹⁰ Там же. С. 107.

Бытует представление о том, что нужно взять в долг деньги перед отправкой в армию¹, поэтому деньги давали с собой на обратный путь². Этот сюжет отражен, в частности, в «Балладе о медной монете» О. Митяева (где монета в итоге стала семейной реликвией):

*И, соблюдая старую примету,
Ему совала медную монету,
Чтоб он, когда закончил трудный путь,
Пришел обратно этот долг вернуть.*

5. Локальные приметы и действия

Определенные малоизвестные действия связывают с местностью. Прежде всего следует отметить локальные особенности, в том числе те, в которых отражены традиции народов, живущих на территории СССР, а ныне России. У марийцев, например, «традиционно было принято из гостей рекрута выводить лицом к окну, спиной к двери, с тем чтобы в скором времени он живым вернулся и пришел в этот дом»³.

На Дону обязательным для призванного на службу казака было наличие коня. «Ну, провожали как... Вот у нас, например, в армию провожали – вот служивый (тогда ведь провожали в армию со своим этим – ну, всем)... Ему дают коня, ему дают пику, ему дают оружие; коня отец справляет, пускай будет тяжело – продают корову, может, хлеб продают – но чтоб сын в армию был справленный. И там, значит, ему такой чемодан – сейчас-то они уж из жизни ушли, вы сами понимаете, рюкзаки стали, да более...»⁴. Кроме того, традиционное обмундирование и оружие могли быть своими.

«Скажите, раньше, когда казака в армию провожали, он действительно ехал на том коне, на котором служил отец, или просто готовили коня?»

- Раньше... готовили вот ему: идтить – всю амуницию... Вот, шапку да все-все. И вот в этой-то песне:

*А из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых...*

¹ Волков Владимир Сергеевич, 1978 г. р. Высшее образование, преподаватель истории, СЭД и права. Работает начотдела в республиканском центре патриотического воспитания. Г. Уфа, Республика Башкортостан. Сейчас возглавляет региональное отделение, отряд «Высота». Запись сентября 2020 г. (ЛАЛ).

² Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Усолье: Пермское книжное издательство, 2006. С. 135.

³ Молотова Т. Л. Традиционные обряды проводов в армию у марийцев // Регионы России в военной истории страны: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Йошкар-Ола, 18–19 ноября 2020 года). Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, 2020. С. 308.

⁴ Ульянова Евдокия Ивановна, 1928 г. р., ст-ца Кумылженская, СПО (лесной техникум г.Фроловский). Ст-ца Глазуновская Волгоградской обл. Запись 2004 г. (АКФ).

Доспехи все, значит, сабля... Ну, все, что ему для жизни надо. Вот еще, "Звонок звенит...": по 15 лет служили; в армии у них у каждого были сундуки свои, значит, какие-то вещи они в них хранили. Значит, там обмундирование»¹.

6. Уникальные приметы и действия

Эта группа пополняется примерами из семейных преданий. Так, солдату дали слоника из домашней коллекции, чтобы вернулся и вернул вещь в «стадо», что и произошло². К этой группе относятся различные предметы, ставшие оберегами по стечению обстоятельств (родственник спасся, когда у него был данный предмет). Также «среди оберегов фигурируют острые предметы»³. В частности, давали с собой иголку подшивать воротнички⁴.

Если само благословение относится к повсеместно распространенным действиям, текст может быть уникальным. Благословить уходящего могли такими словами: «Легонько в армию пойти, легонько послужить да вернуться обратно»⁵.

Вопросы, связанные с проводами в армию, для полевых интервью

1. Как себя вели, какие **чувства** испытывали уходящие воевать / провожающие? (причитали, молились, благословляли, предсказывали судьбу)

2. Имеются ли в вашей местности **приметы, связанные с проводами в армию**?

3. Вам известны **вещие сны, предвещающие гибель** ушедшим на войну или на службу в армию?

4. В вашей местности устанавливали **памятный крест** перед уходом на войну или высаживали **«именное дерево»**, чтобы по нему домашние судили, жив солдат или погиб? Расскажите подробности.

5. **Благословляли** уходящего воевать парня? Кто именно и каким образом?

6. Давали парню в дорогу **крестики, иконки; молитвы; специальные обереги** (талисманы, амулеты); **монету**, которую нужно вернуть; **горсть родной земли**? Дарили еще что-нибудь? Зашивали какие-то вещи под подкладку гимнастерки, шинели?

7. Произносились **заговоры**, чтобы с новобранцем в армии не случилось ничего плохого? Читали заговор от пули? Помогало?

8. Какие **молитвы** читали? («Сон Пресвятой Богородицы», «письмо Бога», иные апокрифические тексты). Наговаривали ли молитвы на воду, которую потом давали пить уходящему в армию (на фронт) парню?

¹ Ульянов Федор Петрович, 1929 г. р., х. Кучуры, образование 4 класса. Ст-ца Глазуновская Волгоградской обл. Запись 2004 г. (АКФ).

² Добровольская В. Е. «Почему он с войны возвратился...»: запреты и предписания, обеспечивающие человеку возвращение с войны // Временник Зубовского института. 2011. № 6. С. 106.

³ Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. Москва: Индрик, 2003. С. 117.

⁴ Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Усьолье: Пермское книжное издательство, 2006. С. 135.

⁵ Белавин А. М., Подюков И. А., Черных А. В., Шумов К. Э. Война и песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья. Пермь, ПГПУ, 2005. С. 11.

9. Оставляли ли **надписи** на стенах часовен, **знаки** на деревьях уходящие на войну или в армию мужчины?

10. Надо ли было призывнику **сломать ветку в день отправки** в армию, если – да, то где ее выбирали и по какому принципу, украшали ли ее, где ее хранили (за иконой, прибывали в красный угол дома и др.)?

11. Совершал ли уходящий воевать мужчина какие-то **действия, чтобы вернуться домой живым**? Например, *присесть на дорогу; сделать вид, что забыл что-то и вернуться домой с дороги; идти, не оборачиваясь*?

12. Что делали ради возвращения новобранца живым и здоровым родные и близкие? Например, соблюдали **запреты**: *не мыть полы* в течение нескольких дней (пока доберется до места службы); *не убирать со стола* весь день; *не носить и не продавать одежду ушедшего воевать*. Молились и ставили свечи за здоровье?

13. **Гадали** о том, кто вернется с войны? Каким образом? Кто это делал? Были совпадения?

14. **Предсказывали** во время войны кому-либо ранение, гибель или чудесное избежание смертельной опасности? Что значит выражение «печать смерти»?

Выводы

Таким образом, защитник Отечества и его близкие традиционно соблюдали ряд запретов и выполняли действия, направленные на помощь воину, его скорейшее возвращение домой. Порядок и регламент совершения действий, а также сакральные предметы, которым приписывалась функция защиты, чаще всего передавались из поколения в поколение и были основаны на прецедентах, личных наблюдениях.

Следует отметить, что обычно проводы в армию (как в довоенные годы, так и в наше время) сопровождалась праздничным застольем. На застолье с тостом первым выступал старший родственник, отслуживший в армии. Непосредственно в военные годы, несмотря на отношение к воинской обязанности как к важной и почетной (учитывая большое количество добровольцев), провожали без веселья, осознавая смертельную угрозу как для воина, так и для оставшейся без него семьи.

Жанровая специфика рассматриваемых в статье текстов, значительная часть которых является меморатами, обусловлена тем, что в качестве рассказчика выступал участник или очевидец событий. Отсюда – оценочность, эмоциональность. Многие тексты были записаны в рамках вопроса об описании рекрутского обряда. При этом следует отметить наложение внетекстового фона. Культурно-исторический контекст эпохи, конкретные реалии сказываются на выборе действий. Например, в атеистическом обществе благословение иконой, передача текста молитвы могли быть тайными, скрытыми от посторонних глаз.

Образная система построена вокруг фигуры призывника (рекрута). Основные действующие лица – родные и близкие для него люди.

Композиция обычно связана с хронологическим перечислением действий, которые совершались уходящим в армию человеком и находящимися рядом с ним людьми. Также рассказ может строиться вокруг значимой детали, ее комментирования или наиболее памятного момента в проводах. Имеет место и сопоставление проводов в армию с традицией конкретной семьи / региона, населенного пункта.

В поэтике устных рассказов о войне важными оказываются детали. Они имеют

разные функции – от передачи чувств рассказчика (запомнилась определенная вещь, на которую он взглянул, или конкретное действие другого человека: женщина упала в обморок, уронив шапку, которую держала в руках) до воссоздания интерьера (деревенская изба, городская квартира, сельский клуб и др.), отражения особенностей эпохи («тарелка» радио, собрание, работа за «палочки»-трудодни), в том числе бытовой жизни. Язык повествования зачастую экспрессивен, что объясняется особенностями устной речи и темой беседы, болезненностью ряда воспоминаний и того, что с ними связано. В текстах используются диалектные и просторечные слова, различные синтаксические конструкции, в том числе неполные предложения. Встречается прием умолчания, когда рассказчик обрывает повествование из-за обилия нахлынувших воспоминаний и ассоциаций. Некоторые записи отражают фонетические особенности речи рассказчика. Распространены как монологи (когда информанту не нужно задавать дополнительные вопросы, он сам выстраивает повествование), так и диалоги (когда идут ответы на конкретные вопросы, рассказчик не привык к развернутому повествованию и описанию, не настроен на беседу или не знает, что еще интересует собеседника). Встречаются вставки в повествование, в частности, комментарии к действиям, сделанные специально для представителей другого поколения, не имеющего представления о многих реалиях жизни более чем полувековой давности. Иногда такими вставками может быть размышление рассказчика о судьбах людей, истории страны, сравнение молодежи времен его молодости и молодых людей в наши дни. Повествователи вспоминают песни и стихи, связанные с определенным моментом, традицией, жизненным укладом того времени.

Нарративы о проводах в армию могут быть самостоятельными или встраиваться (как правило, в хронологическом порядке) в повествование о влиянии войны на судьбу конкретного человека, в рассказы о войне и о жизни (в последнем случае повествование начинается с рассказов о семье, довоенной жизни).

Время в большинстве рассказов обозначено: указывается точная дата или день относительно начала войны, день, приуроченный к народному календарю. Про странство может быть конкретизировано: указан населенный пункт.

Перспективой развития данной темы станет сопоставление примет, обрядовых действий, запретов, связанных с проводами в армию во время различных войн (прежде всего Великой Отечественной войны и локальных конфликтов), в частности, следует использовать записи семейных преданий. Важно уточнять, передавали ли приметы по наследству, старались ли соблюдать их в соответствии с принятыми в населенном пункте традициями или о них рассказывали знакомые, друзья. Аутентичные тексты (из архива), как правило, отражают те же особенности (от системы образов до ведущих мотивов: беспокойство за судьбу близкого человека, страх перед будущим, тяготы расставания), которые опубликованы в статьях и сборниках.

Список источников

Алексиевич С. А. У войны не женское лицо. Последние свидетели. Москва: Остожье, 1998. 464 с.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. Т. 9 / научные редакторы В. М. Гацак, С. А. Мызников. Иркутск, 2012. 528 с.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научные редакторы В. М. Гацак, С. А. Мызников. Иркутск, 2012. Т. 10. 496 с.

Белавин А. М., Подюков И. А., Черных А. В., Шумов К. Э. Война и песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья. Пермь, ПГПУ, 2005. 200 с.

Белова О. В. Фольклорные записи 1945 года из Брянской области // Живая старина. 2005. № 2. С. 13–15.

Боле Е. Н. Историческое значение поискового движения России // Военная археология. 2009. № 1. С. 12–21.

Бондарь Н. И. Древо жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар: Традиция, 2019. 528 с.

Бондарь Н. И. «Недосмотренный сон, недожитая жизнь» (К этнографии войны) // Российское общество и войны XX века: материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 147–154.

Власкина Т. Ю. Война в устных нарративах из архива кафедры общего и сравнительного языкознания ЮФУ // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / ответственный редактор Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. С. 198–203.

Володина Т. А., Подрезов К. А. Русская армия в зеркале солдатского фольклора (XVIII – первая половина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2021. № 2. С. 148–173.

Голикова С. В. Источники по рекрутской обрядности Урала и история ее изучения // Документ. Архив. История. Современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 21–22 октября 2010 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 56–60.

Добровольская В. Е. «Почему он с войны возвратился...»: запреты и предписания, обеспечивающие человеку возвращение с войны // Временник Zubovskogo института. 2011. № 6. С. 106–118.

Драбкин А. Я дрался на Пе-2. Москва: Язуз; Эксмо, 2009. 320 с.

Из рассказов протоиерея В. Швеца. Чудеса в годы войны. Часть 1 // Православие и мир. URL: http://www.pravmir.ru/article_4138.html (дата обращения: 15.01.2013).

Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. 374 с.

Кормина Ж. В. Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. культурологии. Москва: [б. и.], 2000. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/cormina3.htm> (дата обращения: 15.01.2013).

Кринко Е. Ф. Вера и суеверия на фронте и в тылу в условиях военного времени (1941–1945) // Былые годы. 2013. № 3 (29). С. 55–61.

Кринко Е. Ф., Тажиудинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

Лицарева А. Ф. Устные рассказы как ресурс памяти о войне // Молодежь и современный взгляд на события Второй мировой войны: материалы международной студенческой научной конференции (Екатеринбург, 27 ноября 2020 г.) / под общей редакцией В. В. Запария. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. С. 81–86.

Логинов К. К. Сборник полевых этнографических опросников / под редакцией А. Г. Новожилова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. 70 с.

Лурье М. Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. 376 с. (библиотека журнала «Неприкосновенный запас») // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 362–370.

Молотова Т. Л. Традиционные обряды проводов в армию у марийцев // Регионы России в военной истории страны: сборник материалов Всероссийской научно-практической кон-

ференции (Йошкар-Ола, 18–19 ноября 2020 года). Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, 2020. С. 307–314.

Нерастенко Н. А. Фольклорные сюжеты Карелии во время Великой Отечественной войны // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 1(13). С. 113–116.

Петров И. Г. Проводы в рекруты у чувашей (конец XIX – начало XX в.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 51–87.

Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В. В каждой деревне чё-то да разное. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век). Пермь, 2007. 284 с.

Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Усолье: Пермское книжное издательство, 2006. 224 с.

Постникова Е. Г., Любецкий А. Е. Страхи подводников Великой Отечественной войны (по материалам дневника матроса Северного флота Г. И. Сенникова) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 190–207.

Репина Т. А. Девичий батальон. Москва: ЗАО Московские учебники – СиДиПресс, 2009. 208 с.

Савельева И. М. Личная история vs Великий нарратив в дневниках военного времени // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межстолетних диалогах / под редакцией М. А. Литовской и Н. В. Суржиковой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 29–60.

Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. Москва: РОС-СПЭН, 1999. 383 с.

Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. Москва: Институт российской истории РАН, 1997. 226 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 5 / под общей редакцией Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 2012. 736 с.

Соловьева Е. З. Фольклор и ритуальные практики проводов на военную службу в Орловском крае // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 1. С. 59–67.

Степанова В. А. Мотив ухода на войну и возвращения воина в прозе В. Распутина // Сибирский филологический форум. 2018. № 3 (3). С. 87–94.

Финал: Историко-мемуарный очерк о разгроме Империалистической Японии в 1945 г. / под общей редакцией Маршала Советского Союза М. В. Захарова. Москва: Наука, 1969. 415 с.

Чудеса в годы войны: православный календарь 2010. Москва: Артос-Медиа, 2009. 320 с.

Чудеса на дорогах войны. Сборник рассказов. Москва: ПолиграфАтельеПлюс, 2004. 236 с.

Шаповал Н. И. В небе над Ржевом. Ржев: филиал БАО «ТОТ Ржевская типография», 2011. 432 с.

Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. Москва: Индрик, 2003. 526 с.

References

Aleksievich S. A. *U voiny ne zhenskoe litso. Poslednie svideteli* [War's Unwomanly Face. The Last Witnesses]. Moscow: Ostozh'e, 1998. 464 p.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govovor russkikh starozhilov Baikalskoi Sibiri* [Dictionary of dialects of Russian old-term residents in Baikal Siberia; ed. by V. M. Gatsak, S. A. Myznikov]. Irkutsk, 2012, vol. 9, 528 p.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govovor russkikh starozhilov Baikalskoi Sibiri* [Dictionary of dialects of Russian old-term residents in Baikal Siberia; ed. by V. M. Gatsak, S. A. Myznikov]. Irkutsk, 2012, vol. 10, 496 p.

Belavin A. M., Podiukov I. A., Chernykh A. V., Shumov K. E. *Voina i pesnia. Soldatskie i voennye pesni v fol'klornoi traditsii Prikam'ia* [War and song. Soldier and military songs in the folk tradition of the Kama region]. Perm': PGPU, 2005. 200 p.

Belova O. V. Fol'klornye zapisi 1945 goda iz Brianskoi oblasti [Folklore records of 1945 from the Bryansk region]. *Zhivaia starina* [Living antiquity], 2005, no. 2, pp. 13–15.

Bole E. N. Istoricheskoe znachenie poiskovogo dvizheniia Rossii [The historical significance of the search movement of Russia]. *Voennaia arkheologiya* [Military archaeology], 2009, no. 1, pp. 12–21.

Bondar' N. I. Drevo zhizni: ocherki traditsionnoi narodnoi kul'tury. Etnografiia, antropologiya, semiotika [Tree of Life: essays on traditional folk culture. Ethnography, anthropology, semiotics]. Krasnodar: Traditsiia, 2019. 528 p.

Bondar' N. I. «Nedosmotrennyi son, nedozhitaia zhizn'» (K etnografii voiny) ["Not seeing the dream to the end, not living the life to the end" (To the ethnography of war)]. *Rossiiskoe obshchestvo i voiny XX veka: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russian society and wars of the 20th century: Proceedings of the research and practice conference]. Krasnodar, 2004, pp. 147–154.

Vlaskina T. Iu. Voina v ustnykh narrativakh iz arkhiva kafedry obshchego i sravnitel'nogo iazykoznaniiia IuFU [War in oral narratives from the archive of the Department of General and Comparative Linguistics of SFU]. *Velikaia Otechestvennaia voina v prostranstve istoricheskoi pamiati rossiiskogo obshchestva: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. (28–29 apreliia 2010 g., Rostov-na-Donu – Taganrog)* [Great Patriotic War in the space of historical memory of Russian society: Proceedings of the international scientific conference (April 28–29, 2010, Rostov-on-Don – Taganrog); ed. by G. G. Matishov]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo IuNTs RAN, 2010, pp. 198–203.

Volodina T. A., Podrezov K. A. Russkaia armiiia v zerkale soldatskogo fol'klora (XVIII – pervaiia polovina XIX vekov) [The Russian Army in the mirror of the soldier's folklore (18th – first half of the 19th centuries)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [The New Historical Bulletin], 2021, no. 2, pp. 148–173.

Golikova S. V. Istochniki po rekrutskoi obriadnosti Urala i istoriia ee izucheniiia [Sources on the recruitment rites of the Urals and the history of its studying]. *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'. Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ekaterinburg, 21–22 oktiabria 2010 g.)* [Document. Archive. History. Modernity. Proceedings of the III All-Russian research and practice conference (Ekaterinburg, October 21–22, 2010)]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 56–60.

Dobrovol'skaia V. E. «Pochemu on s voiny vozvernulsia...»: zaprety i predpisaniia, obespechivaiushchie cheloveku vozvrashchenie s voiny ["Why he returned from the war...": prohibitions and prescriptions that ensure a person's return from the war]. *Vremennik Zubovskogo instituta* [Annals of the Zubov institute], 2011, no. 6, pp. 106–118.

Drabkin A. *Ia dralsia na Pe-2* [I fought at P-2]. Moscow: Iauza; Eksmo, 2009. 320 p.

Iz rasskazov protoiereia V. Shvetsa. Chudesa v gody voiny. Chast' 1 [From the stories of Archpriest V. Shvets. Miracles during the war years. Part 1]. *Pravoslavie i mir* [Orthodoxy and Peace]. Available at: http://www.pravmir.ru/article_4138.html (accessed: 15.01.2013).

Kormina Zh. V. Provody v armiiu v poreformennoi Rossii. Opyt etnograficheskogo analiza [Seeing-off to the army in pre-reform Russia. Ethnographic analysis experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 374 p.

Kormina Zh. V. *Rekrutskii obriad: struktura i semantika (na materialakh severa i severo-zapada Rossii XIX–XX vv.)* [Recruitment rite: structure and semantics (by the materials of the north and north-west of Russia of the XIX–XX centuries): Abstract Cand. thesis in Cultural Science]. 2000. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/cormina3.htm> (accessed: 15.01.2013).

Krinko E. F. Vera i sueveriiia na fronte i v tylu v usloviakh voennogo vremeni (1941–1945) [Faith and superstitions at the front and in the rear in wartime conditions (1941–1945)]. *Bylye gody* [Previous years], 2013, no. 3 (29), pp. 55–61.

Krinko E. F., Tazhidinova I. G., Khlynina T. P. *Chastnaia zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945)* [Private life of a Soviet person in wartime conditions: space, borders and mechanisms of implementation (1941–1945)]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo IuNTs RAN, 2013. 362 p.

Litsareva A. F. Ustnye rasskazy kak resurs pamiaty o voine [Oral stories as a resource of memory about the war]. *Molodezh' i sovremennyi vzgliad na sobytia Vtoroi mirovoi voiny: materialy mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii. (Ekaterinburg, 27 noiabria 2020 g.)* [Youth and a modern look at the events of World War II: Proceedings of the international student scientific conference (Ekaterinburg, November 27, 2020); ed. by V. V. Zapariiy]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2020. pp. 81–86.

Loginov K. K. *Sbornik polevykh etnograficheskikh oprosnikov* [Collection of field ethnographic questionnaires; ed. by A. G. Novozhilov]. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2007. 70 p.

Lur'e M. Kormina Zh. V. Provody v armiiu v poreformennoi Rossii. Opyt etnograficheskogo analiz. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 376 s. (biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyi zapas») [Seeing-off to the army in pre-reform Russia. Ethnographic analysis experience. Moscow: New Literary Observer, 2005. 376 p. (library of the journal "Reserve funds")]. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2006, no. 4, pp. 362–370.

Molotova T. L. Traditsionnye obriady provodov v armiiu u mariitsev [Traditional rites of seeing-off to the army among the Mari people]. *Regiony Rossii v voennoi istorii strany: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ioshkar-Ola, 18–19 noiabria 2020 goda)* [Regions of Russia in the military history of the country: Proceedings of the All-Russian research and practice conference (Yoshkar-Ola, November 18–19, 2020)]. Ioshkar-Ola: Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut iazyka, literatury i istorii im. V. M. Vasil'eva, 2020, pp. 307–314.

Nerastenko N. A. Fol'klornye suizhety Karelii vo vremia Velikoi Otechestvennoi voiny [Folklore plots of Karelia during the Great Patriotic War]. *Molodezhnyi vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Youth Bulletin of the St Petersburg State Institute of Culture], 2020, no. 1 (13), pp. 113–116.

Petrov I. G. Provody v rekruty u chuvashei (konets XIX – nachalo XX v.) [Farewell ceremony of recruits by the Chuvashes (end of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik* [Chuvash Humanitarian Bulletin], 2015, no. 10, pp. 51–87.

Podiukov I. A., Pozdeeva S. M., Khorobrykh S. V., Chernykh A. V. *V kazhdoi derevne che-to da razno. Iz kungurskoi semeinoi traditsii (dvadtsatyi vek)* [In each village, something is different. From the Kungurian family tradition (twentieth century)]. Perm', 2007. 284 p.

Podiukov I. A., Chernykh A. V., Khorobrykh S. V. *Zemlia Solikamskaia. Traditsionnaia kul'tura, obriadnost' i fol'klor russkikh Solikamskogo raiona* [Solikamskaya land. Traditional culture, rituals and folklore of Russian Solikamsk region]. Usol'e: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 224 p.

Postnikova E. G., Liubetskii A. E. Strakhi podvodnikov Velikoi Otechestvennoi voiny (po materialam dnevnika matrosa Severnogo flota G. I. Sennikova) [Fears of Submarine Sailors during the Great Patriotic War (with reference to the battlefield diaries of G. I. Sennikov)]. *Izvestia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts], 2020, vol. 22, no. (202), pp. 190–207.

Repina T. A. *Devichii batal'on* [Maiden Battalion]. Moscow: ZAO Moskovskie uchebniki – SiDiPress, 2009. 208 p.

Savel'eva I. M. Lichnaia istoriia vs Velikii narrativ v dnevnikakh voennogo vremeni [Personal history vs Great narrative in wartime diaries]. *Ego-dokumenty: Rossiia pervoi poloviny XX veka v mezhistochnikovykh dialogakh* [Ego-documents: Russia of the first half of the twentieth century in inter-source dialogues; ed. by M. A. Litovskaia, N. V. Surzhikova]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021, pp. 29–60.

Seniavskaia E. S. *Psikhologiya voiny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii* [Psychology of war in the XX century: the historical experience of Russia]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 383 p.

Seniavskaja E. S. *Chelovek na voine. Istoriko-psikhologicheskie ocherki* [Man in the war. Historical and psychological essays]. Moscow: Institut rossijskoi istorii RAN, 1997. 226 p.

Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar'. V 5 t. [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary. In 5 vols.; ed. by N. I. Tolstoy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012, vol. 5. 736 p.

Solov'eva E. Z. Fol'klor i ritual'nye praktiki provodov na voennuiu sluzhbu v Orlovskom krae [Folklore and ritual practices of recruit sendoffs in the Orel region]. *Traditsionnaia kul'tura* [Traditional Culture], 2019, vol. 20, no. 1, pp. 59–67.

Stepanova V. A. Motiv ukhoda na voinu i vozvrashcheniia voina v proze V. Rasputina [The motive of going off to war and the return of the warrior in V. Rasputin's prose]. *Sibirskii filologičeskii forum* [Siberian philological forum], 2018, no. 3 (3), pp. 87–94.

Final: istoriko-memuarnyi ocherk o razgrome imperialističeskoj Iaponii v 1945 [Final: Historical and memoir essay on the defeat of imperialist Japan in 1945; ed. by Marshal of the Soviet Union M. V. Zakharov]. Moscow: Nauka, 1969. 415 p.

Chudesa v gody voiny: pravoslavnyi kalendar' 2010 [Miracles during the war years: Orthodox calendar 2010]. Moscow: Artos-Media, 2009. 320 p.

Chudesa na dorogakh voiny. Sbornik rasskazov [Miracles on the roads of war. Short story collection]. Moscow: PoligrafAtel'ePlius, 2004. 236 p.

Shapoval N. I. *V nebe nad Rzhedom* [In the sky over Rzhnev]. Rzhnev: filial BAO «TOT Rzhevskaia tipografiiia», 2011. 432 p.

Shchepanskaia T. B. *Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX-XX vv.* [Road culture in the Russian myth and ritual tradition of the XIX-XX centuries]. Moscow: Indrik, 2003. 526 p.

Сведения об авторе

Александра Федоровна Лицарева – аспирант, alya-alya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1940-1157>, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (д. 1; Ленинские горы, 119991 Москва, Россия); Alexandra F. Litsareva – Graduate student, alya-alya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1940-1157>, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie gory, 119991 Moscow, Russia)

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 23.12.2022; принята к публикации 28.12.2022.

The article was submitted 24.11.2022; Approved after reviewing 23.12.2022; Accepted for publication 28.12.2022